

Свет среди тьмы

СВИДЕТЕЛИ СВЕТА

Сергей Иванович Пустовойтов

Сергей Пустовойтов

Свет среди тьмы. Свидетели света

«Издательские решения»

Пустовойтов С. И.

Свет среди тьмы. Свидетели света / С. И. Пустовойтов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-672167-8

Эта книга — не биография. И не житие святого. Это — следы босых ног на снегу, которые исчезают, но оставляют тепло. Это — попытка не объяснить, а сохранить дыхание одного присутствия. Если после этой книги ты начнёшь слышать тишину — значит, мы не зря её написали. Если захочешь жить мягче, прощать чаще и слушать глубже — значит, Он жив. В тебе. И рядом с тобой.

ISBN 978-5-00-672167-8

© Пустовойтов С. И.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
Философия Фейха Вангера	7
Личная жизнь и утраты	8
Иоанн уходит в море	12
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Свет среди тьмы Свидетели света

Сергей Иванович Пустовойтов

Благодарности:

Олеся Александровна Ардабская

© Сергей Иванович Пустовойтов, 2025

ISBN 978-5-0067-2167-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогой читатель,

если ты открыл эту книгу – значит, ты ищешь не просто слова.

Ты ищешь след света, оставленный человеком, который ушёл не громко, но глубоко.

Эта книга – не биография.

И не житие святого.

Это – следы босых ног на снегу, которые исчезают, но оставляют тепло.

Это – попытка не объяснить, а сохранить дыхание одного присутствия.

Присутствия человека, который молчал чаще, чем говорил, и верил – больше, чем доказывал.

Его звали Архангел Даниил.

Он не любил, когда его называли «отцом» или «старцем». Он говорил:

«Я не отец, я – брат. Просто чуть-чуть постарше и немного уставший.»

Мы были друзьями. Мы писали друг другу письма,

а между строк этих писем иногда прорывалось нечто большее – вечное, тёплое, безмянное.

Ты найдёшь их в этой книге. Как и его проповеди, его тишину, и голоса тех, кто ещё помнит.

Не ищи здесь сенсаций.

И не ищи образца для подражания.

Он сам говорил:

«Не подражай мне. Просто иди рядом, пока сможешь. Потом – иди один. Но в ту же сторону.»

Если после этой книги ты начнёшь слышать тишину – значит, мы не зря её написали.

Если захочешь жить мягче, прощать чаще и слушать глубже – значит, он жив.

В тебе. И рядом с тобой.

С теплом и памятью, автор.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Фейх Вангер – мыслитель на границе эпох

Годы жизни: 1893—1971

Страна: Австро-Венгрия (позже – Германия, Франция, Израиль)

Род занятий: философ, писатель, эссеист, переводчик древних текстов

Языки: немецкий, иврит, французский, латинский, древнегреческий

Биография (основные вехи):

- Родился в небольшом местечке в Моравии в семье раввина и учительницы музыки. С раннего детства тяготел к книгам, особенно к мифологии, Библии и сочинениям древнегреческих философов.
- В 1912 году поступает в Венский университет, где изучает философию и теологию.
- Участвует в Первой мировой войне как санитар. Этот опыт сильно повлиял на его взгляды на человека и зло.
- В 1920-е годы публикует свои первые эссе: «О хрупкости духа», «Молчание гения».
- В 1933, после прихода Гитлера к власти, эмигрирует во Францию. Там пишет свой первый роман «Камень, которого не хватало» – о человеке, который отказывается быть героем.
- В 1941 году переезжает в Иерусалим, где преподаёт философию в Еврейском университете.
- Последние годы живёт уединённо, переписываясь с интеллектуалами своего времени, включая Камю, Бердяева и Шестова, иеромонахом Архангелом Даниилом другом и наставником.

Философия Фейха Вангера

Фейх Вангер стремился к синтезу западной рациональности и восточной мистики. Он считал, что человек не может быть понят ни через одни только понятия, ни через одни только чувства.

Ключевые идеи:

- «Творчество – это форма молитвы»
- «Истина – это не свет, а жар»
- «Бог может молчать, но мы обязаны говорить»
- «Мудрость не в знании, а в умении жить рядом с тайной»

Он критиковал как догматический религиозный подход, так и сухой атеистический рационализм. Говорил, что человек – это не решение, а вопрошание.

Афоризмы Фейха Вангера (авторские цитаты):

- «Талантом обладают многие, но лишь немногие умеют им не злоупотреблять».
- «Человека делает не сила мысли, а глубина сомнения».
- «Кто не умеет быть один, тот не сможет быть с кем-то по-настоящему».
- «Бог дал человеку свободу, чтобы тот мог понять цену любви».
- «Настоящее воспитание – это искусство подталкивать душу к себе самой».
- «Если бы зло всегда носило маску, мы бы давно стали добрее. Но оно улыбается»
- «Настоящий талант не в том, чтобы сиять, а в том, чтобы согреть!»

Расширенный портрет Фейха Вангера

Религиозный путь и духовные искания:

Фейх был духовным скитальцем. Он говорил:

«Я прошёл по синагогам, стоял в монастырях, спал на скамьях деревенских баптистов, но ни одна из скамеек не была мне подушкой для души».

Он находил мудрость в иудаизме – в его трепете перед Словом, в баптизме – в искренности и живом пении, в православии – в безмолвии и символике. Но католическое учение казалось ему слишком политическим, рационализированным и отделённым от живой души.

Он написал однажды:

«Вера без тайны – это бухгалтерия духа. Мне скучно среди тех, кто всё объяснил».

Личная жизнь и утраты

Жизнь Фейха была отмечена чередой любви и трагедий. Он говорил:

«Я трижды был женат и трижды хоронил часть себя».

- Люсия, его первая жена, вдохновляла его на ранние тексты. После смерти сына Алексия он перестал писать стихи.

- Иоанн, другой сын, стал почти мифической фигурой среди последователей Фейха. Его история стала притчей: «Мудрец, уставший от мыслей других, ушёл в океан, чтобы услышать наконец свою тишину».

- Вторая жена, казачка с огненным характером, вдохновляла его на философию воли и свободы.

- Третья жена, полька, была красивой и таинственной. Её печаль, связанная с прошлым, сделала Вангера особенно чувствительным к теме вины и прощения.

О книгах:

«Философское учение» – его ключевой труд. Он писал:

«Я не ищу единой истины. Я ищу способ жить с множеством её отражений».

Там он пытался соединить еврейскую трепетность, баптистскую честность и православную мистику в одной системе – не догматической, а живой, дыхательной философии, как он это называл.

Характерные фразы Фейха Вангера (новые афоризмы):

- «Религия – это костюм. Мне ближе кожа».
- «Мы рождены не для спасения, а для диалога с бесконечностью».
- «Любовь – это богословие тела».
- «Истина не одна – как и боль, как и утро, как и мать».
- «Вера – это не ответы. Это когда ты продолжаешь спрашивать, даже если больно».

Город, где он жил: Тессалоники, Греция

После эмиграции из Франции и короткой жизни в Иерусалиме, Фейх Вангер обосновался в Тессалониках – городе, где пересекаются христианство, иудаизм и ислам. Он говорил:

«Здесь утро начинается с азана, полдень проходит под звуки церковных колоколов, а вечер – в еврейских анекдотах».

Тессалоники стали его пристанью – город, где он писал, принимал гостей, и где впервые встретил Архангела Даниила.

Встреча с Архангелом Даниилом

Это случилось в монастыре святого Григория Паламы, куда Фейх пришёл в поиске тишины. Монах, высокий, седой, с сияющими глазами, подошёл к нему в тени кипариса и, не задавая ни одного вопроса, сказал:

- Ты носишь в себе тайну, которую боишься признать.
- Откуда ты это знаешь? – спросил Фейх.
- Я не знаю. Я просто слушаю.

Так началась их дружба. Архангел Даниил стал его невидимым собеседником – в письмах, в мыслях, в молитвах. Они спорили, молчали, читали Исаию, обсуждали смерть и надежду.

Когда Даниил потерял зрение от глаукомы, Фейх оплатил операции в Афинах и лично отвозил его в клинику. Он говорил:

«Я философствую словами, а он – своей жизнью. Если я написал „Философское учение“, то он – его жил».

Загадочная сцена в Айя-Софии

В 1956 году, во время поездки в Стамбул, Вангер решил посетить Айя-Софию. Он вошёл туда под вечер, когда туристов уже почти не было. Внутри было прохладно, полутемно. Мозаики едва светились в свете умирающего солнца.

Поднявшись на галерею, он увидел женщину в чёрной мантии, стоящую к нему спиной. Она пела – на древнегреческом, что-то похожее на псалом, но в этом пении был и плач, и радость.

Он подошёл ближе, но её уже не было. Только на полу остались чётки – не православные, а мусульманские, из оливкового дерева.

Фейх взял их с собой. Он писал потом:

«В Айя-Софии я понял, что священное – это не архитектура. Это то, что внезапно дышит через тебя, как будто кто-то изнутри шепчет: «Я с тобой». С тех пор я всегда носил с собой эти чётки, как знак того, что Бог не ограничивается ничем.

Письмо I. Фейх Вангер – Архангелу Даниилу

Дорогой Даниил,

Сегодня я вновь слышал в себе безмолвие. Оно пришло не как покой, а как нехватка – как голод, как лёгкая боль в груди. Вечер был наполнен шумом города, но душа моя была пуста, как лист до первой строчки.

Я боюсь, что философия делает меня глухим к тому, что ты называешь «дыханием Духа». Я пишу, исследую, строю систему – и, быть может, теряю всё.

Ты как-то сказал, что «Истина дышит». Но ведь дыхание – это ритм. А я всё чаще ловлю себя на том, что дышу прерывисто, тревожно, будто живу не по своей ноте.

Молись за меня, если можешь. А если не можешь – просто помолчи рядом.

Твой Ф.

Ответ I. Архангел Даниил – Фейху Вангеру

Монастырь святого Пантелеимона. Полночь. Тропарь тишины.

Возлюбленный брат мой Фейх,

Ты боишься, что становишься глухим. Но глухота – это лишь отсутствие привычных звуков. Когда Господь выводил меня в пустыню слепоты, я тоже испугался. Но знаешь, кого я слышал там? Себя – и Того, Кто во мне.

Ты ищешь дыхание Духа? Не строй системы. Лучше построй скамейку. Сядь. Жди. Как дитя, ожидающее отца.

Не у всех дыхание ровное. Моисей заикался. Павел страдал телесно. И ты можешь страдать мыслью.

Молиться за тебя – это для меня радость, не труд. Но если ты хочешь, чтобы я был рядом в молчании, знай: я всегда рядом. Даже когда ты меня не слышишь.

Архангел (не по званию, а по насмешке одного послушника, которая прилипла).

Письмо II. Фейх Вангер – Архангелу Даниилу

Вид с террасы. Тёплый чай. Луна. Одинокий трамвай.

Архангел, мне часто снится мой сын – Алексей. Он умер так рано, но будто что-то успел во мне дописать. Его поэзия была как молитва без адреса – и я боюсь, что я сам был его стеной, от которой он отталкивался, чтобы взлететь.

Иногда я думаю: а не забрал ли Бог его, чтобы я, наконец, научился молчать? Ведь вся моя философия – это, возможно, только защита от боли.

А может, я ошибаюсь?

Пиши мне, Даниил. Или просто помолчи снова. Я всё равно слышу твои мысли, даже в твоём молчании.

Твой Ф.

Тессалоники. Осень. Улица Эгнатия. Моросит дождь.

Фейх вышел из дома без шляпы. Он любил мокрую погоду, как любит больной – горечь травы: без удовольствия, но с пониманием. На площади Аристотеля он купил хлеб – простой, серый, с солью – и присел на лавку у бывшей турецкой бани, где теперь был книжный магазин.

Мимо проходили люди. Много. Город шумел, дышал. А он молчал – хлеб в руках, дождь на плечах, мысли в Небесах.

Подошёл старик – сутулый, с торбой через плечо. Он долго смотрел на Фейха. Потом спросил:

– Это свежий хлеб?

Фейх отломил половину и протянул ему.

– Свежий. Только что из печи. Попробуйте.

Старик не поблагодарил. Он сел рядом. Съел медленно. Промокшие пальцы дрожали, но не от холода.

– Почему вы отдали? – спросил он.

– Потому что у меня две руки, а хлеб был один, – ответил Вангер. – А теперь у меня осталась одна рука и полхлеба. Это справедливо.

Старик улыбнулся:

– Ты, видно, учёный.

– Немного. Писатель.

– А я раньше был пекарем. Но перестал. Люди едят хлеб, но не чувствуют рук, что его месили. Они хотят хлеб, но не пекаря.

Фейх улыбнулся, кивнул.

– А ты хочешь, чтобы тебя чувствовали?

– Я хочу, чтобы был кто-то, кто понимает – не хлеб питает, а человек, что дал его.

Старик ушёл. А через минуту Фейх понял: он забыл спросить его имя.

Он записал в блокнот:

«Если Бог и есть хлеб, то человек – это рука, что его передаёт».

Эта фраза потом вошла в раздел «О человеке как о проводнике» в книге Философское учение. Он подписал главу: «Памяти безымянного пекаря из Тессалоник».

Иоанн уходит в море

Тессалоники. Утро. Февраль. Улица, ведущая к порту. Гул чаек.

Иоанн – старший сын Фейха, обладал даром. Он слышал мысли людей. Не словами, а чувствами, вкусами, образами – как будто каждый, кто проходил мимо, оставлял в его голове свои внутренние обрывки, как оставляют крошки на столе.

Сначала это было интересно. Потом – утомительно. А затем – невыносимо.

Он говорил отцу:

– У людей нет мыслей. У них – шорох. Гул. Они не думают, они шумят.

– Это как?

– Представь комнату, где тысячи радио включены на разную громкость. Один орёт о налогах. Другой – о бывшей жене. Третий – о новостях, которых никто не проверял. А я там – внутри. Понимаешь?

Фейх кивал. Он понимал. Не умом – сердцем. Иоанн всегда был другим. Добрый, молчаливый, глубоко сострадательный. Но он глух от мира.

– Я уйду, – сказал однажды Иоанн.

– Куда?

– В море. Там только матросы. А у них простые мысли: «швартуй», «ешь», «спи». Иногда – тоска по женщине. Иногда – страх. Но это тишина по сравнению с тем, что в городе.

Фейх не удерживал. Он только подарил ему тетрадь в кожаном переплёте. На первой странице было написано:

«Тому, кто слышит – будь осторожен. Истина чаще всего молчит».

Прошло много лет. Иоанн не вернулся. Его последняя открытка пришла с острова у побережья Мадагаскара. На ней была нарисована белая лодка и подпись:

«Папа, здесь никто не думает. Только живут. Иногда – это достаточно.»

Философская заметка Фейха (из неопубликованных записей)

Есть проклятия, похожие на дары. Слышать мысли – одно из них. Потому что, когда ты слышишь всех, ты теряешь себя. Иоанн ушёл не от мира – он ушёл, чтобы вернуть себе тишину. Он не был отшельником. Он стал тем, кто спрятал уши в шуме волн, чтобы наконец услышать самого себя. И если Бог заговорит – Он выберет не толпу, а одиночество, не гром, а каплю.

В этом каплеобразном мире живут все Иоанны. И они – спасены.

Сон Фейха: Разговор без слов

Ночь. Февраль. Окно открыто. Комната Фейха наполнена воздухом моря. Он засыпает.

Сон пришёл мягко, как рука, закрывающая глаза. Фейх оказался на берегу. Песок был чёрным, как земля, в которую кладут семена. Волны шли медленно. Луна была не в небе – она плавала на горизонте, как старая лодка, полная света.

Перед ним стоял Иоанн. Старше, чем он его помнил. Лицо спокойное. Морская куртка. Лоб – чистый, как утёс.

Они стояли друг напротив друга.

И молчали.

Но это молчание было разговором. В этой тишине звучало всё:

– Я слышал тебя, отец, когда ты молчал над моей кроватью.

– Я не молчал, я боялся, что если скажу – ты уйдёшь.

– Ты не знал, что я уже ушёл, потому что не мог больше жить в чужом шуме.

– Я хотел быть твоим учителем.

– Ты был. Ты дал мне тетрадь. Это был мой ковчег. Я написал в ней только одну фразу: «Я жив.»

Они сидели на камне у воды. Волны били в такт их дыханию.

Фейх спросил не словами:

– Ты счастлив?

Иоанн кивнул. Потом взглянул на отца:

– Ты?

Фейх не ответил. Он не знал.

Иоанн встал. За его спиной была лодка из света. Он шагнул к ней, но перед этим снова взглянул:

– Тот, кто слышит мир, должен иногда быть глухим. Так он может услышать Того, Кто за пределами.

И исчез. Как волна. Как память. Как утро.

Утро

Фейх проснулся. Он не плакал, но под глазами была влага. Он записал в дневнике:

«Впервые я не услышал его словами – но понял всем телом. Тот, кто молчит, может говорить сильнее всех. А сын, ушедший в шум волн, вернулся ко мне в самой глубокой тишине.»

Он прикрыл тетрадь рукой. И прошептал:
– Я жив.

Письмо Архангела Даниила к Фейху Вангеру

Город Тифлис,
Март, год незапамятный, вечер,
в доме при монастыре святого Давида, под шум листвы и капель дождя.

Возлюбленный друг мой, Фейх,

Ты помнишь мою юность – я шёл с огнём в груди, с верой в свет, который не меркнет. Но однажды я заглянул туда, куда многие боятся: в сердце церковной власти. Там я увидел не Бога, а страх. Не благодать, а расчёт.

Архиепископ, которого ты знаешь – я не осуждаю его. Я лишь указал, что в словах его нет любви, а в делах – правды. За это он назвал меня гордецом. И сослал. Без суда, без молитвы прощальной. Только грамота: «лишить служения и монастыря, дабы не смущал народ».

Но, Фейх... я не лишился веры. Я понял: служение – не в сани, а в сердце. И вот я в Тифлисе. Город меня принял, как странника с палкой: чаем, хлебом и ночлегом. Но без грамоты – я никто. Грузинский архиепископ встретил меня с уважением, но молчит: «Дай открепление – и я дам тебе рясу и приход».

А где мне взять то, чего мне не дают?

И вот я, как дерево, пересаженное без корня. Душа жива, но не цветёт. Я молюсь, я читаю, я пишу – но служить не могу. Я несу благословение, но мне нельзя говорить его вслух.

Помолись за меня, брат. Не о возвращении – я не вернусь. Но о том, чтобы нашёлся новый путь. Чтобы кто-то услышал не мой голос, а молчание моей преданности.

С любовью,
Архангел Даниил, недостойный иеромонах,
сын Вечности, изгнанный из Времени.

Письмо Фейха Вангера к Архангелу Даниилу

Из моего дома, где окно смотрит на старый тополь,
где дети пекут хлеб, а солнце заходит не по графику церковного календаря,
а по воле неба.
Вечер, март.

Возлюбленный брат, Архангел Даниил,

Я прочитал твоё письмо, как читают Псалтирь – медленно, вслух, чтобы сердце не упустило ни одного дыхания. Ты изгнан, но не низложен. Ты лишён сана, но не силы. Потому что, как сказал один мудрец:

«Тот, кто был сослан людьми, может быть избран Богом».

Церковная власть – как одежда царя. Внешне сияет, но может быть наполнена страхом, рутиной и даже предательством. Ты же – как Иоанн в пустыне. Без храмов, но с голосом, от которого дрожат камни.

Ты говоришь: «Я не могу служить». Но кто определил, где начинается служение? Разве не служит тот, кто утешает одинокого, кто говорит истину, даже без кафедры? Разве не ты послал мне свою веру через бумагу и чернила? Я почувствовал благословение, как благовоние – тонкое, невидимое, но проникающее в суть.

Ты – живой Евангелие. И если Церковь боится твоей искренности, значит, она боится Христа.

Ты ищешь грамоту – но, быть может, Бог хочет, чтобы ты стал грамотой для других. Ты – письмо, написанное Духом, а не чернилами. И читают тебя не архиереи, а души, жаждущие света.

Я знаю, тебе больно. Боль – это не проклятие. Это печать. Пророки всегда были ранены. Но ни один из них не был забыт.

Я молюсь не о возвращении твоего сана – а о восстановлении того, что выше сана: ясности твоей души. И если архиепископ молчит, то небо – слышит. И даст ответ. В своё время.

Я пришлю тебе икону – старую, с ликом Спаса в трещинах. Она висела у моей бабки над кроватью. Пусть она будет твоим напоминанием, что в трещинах тоже живёт свет.

С любовью и болью,
твой брат,
Фейх Вангер,
грешник, ищущий путь,
свидетель чужой святости.

Вот философское отступление Фейха Вангера – тихое, но жгучее размышление, которое он записал в своих «Тетрадах уединения» в те дни, когда получил письмо от Архангела Даниила. Это мысли, которые, быть может, он не решился бы сказать с кафедры, но доверил бумаге – как исповеди ветру.

Из «Тетрадей уединения».

Фейх Вангер.
О религии, чистоте и изгнанниках.

Я часто думаю: почему те, кто ближе всех к истине, чаще других оказываются изгнанными?

Бог ведь не нуждается в церемониях. Он нуждается в чистом сердце. Но Церковь – любая – боится чистого сердца, потому что оно опасно. Оно не молчит, когда все молчат. Оно не кланяется традиции ради самой традиции. Оно требует правды, как ребёнок требует мать.

Чистый человек – это не тот, кто безгрешен. А тот, кто не терпит лжи даже ради удобства. Ради структуры. Ради «мира в общине».

Такого человека сначала любят. Потом боятся. Потом ссылают.

Я вижу это снова и снова. Моисей не вошёл в землю обетованную. Христос был предан храмовыми старейшинами. Серафим Саровский – изгнан. Григорий Палама – заклеимён. Даниил, мой друг, – сослан.

Чистота духа не нужна храмам. Она нужна Небу.
Но Небо молчит дольше, чем человек может вынести.

И всё же – оно говорит. Через тишину. Через одиночество. Через изгнание.

Я замечаю, что изгнанник со временем становится чище. В нём нет лишнего. Служение обнажается до сути: не епископство, не иконостас, не облачение, а молитва, совесть и тишина.

В изгнанниках Бог живёт особенно просто. Он не нуждается в структуре, чтобы говорить. Он приходит, как свет – в щель между досками, в слезу безмолвную, в жест без ответа.

Церковь боится потерять лицо.
Бог ищет тех, кто потерял всё, кроме лица.

Я не хочу быть судьёй. Но я хочу быть свидетелем. И потому я говорю:
Даниил – ближе к алтарю, чем те, кто стоит у него с кадилом, но боится правды.

Он изгнан. А значит – чист.

Вот проповедь Архангела Даниила, произнесённая им однажды – и, может быть, всего лишь один-единственный раз – в маленькой каменной церкви на окраине Тифлиса. Это была Пасхальная ночь, храм был полон свечей и ожидания. И люди – простые, уставшие, с разными судьбами – не знали, что услышат слова, которые изменят их навсегда.

****Пасхальная проповедь Архангела Даниила.**

Церковь Святого Давида, Тифлис.
Ночь Воскресения.**

Братья и сёстры,
возлюбленные в страхе Божиим и надежде,
мир вам.

Сегодня – ночь, в которую тьма расступилась. Не исчезла, нет – она просто уступила место Свету, который нельзя удержать.

Но я скажу вам не о чуде Воскресения, которое знают все – скажу о том, что забыто.

Христос воскрес не в храме, а в гробу. Его не приветствовали священники, а женщины с благовониями. Его не узнали ученики сразу – ибо воскресение не в славе, а в тайне.

Чудо пришло к тем, кто плакал, не к тем, кто правил.

Так и в нашей жизни. Воскресение не всегда громкое. Иногда оно – шаг изгнанника в чужой город. Иногда – тишина, в которой ты слышишь голос Божий яснее, чем в хоре митрополичьих речей.

Я был изгнан. Но я не был забыт. Мой сан отняли – но не мою веру. Меня не пустили к престолу – но Христос не отвернулся. И я говорю вам:
не бойтесь потерять статус, место, уважение.
Бойтесь потерять сердце.

Потому что Бог не спрашивает у нас документов. Он смотрит на раны.
Не на митру – а на смирение.
Не на рукоположение – а на любовь.

И вот в эту ночь, когда весь мир замирает в свечах, я вижу: воскресение приходит туда, где не ждут славы, но ждут правды.

Христос воскрес.
И значит, мы можем воскреснуть тоже.
Даже после изгнания. Даже после слёз. Даже после молчания.

Свет побеждает. Не силой, а присутствием.
Он приходит – и всё меняется.
Как меняется сердце, которое прощает врага.
Как меняется изгнанник, который находит дом.
Как меняешься ты – если в эту ночь веришь больше, чем боишься.

Христос воскрес!
Воистину воскрес!

Вот воспоминание того, кто когда-то, будучи мальчиком, стоял в притворе той самой маленькой церкви в Тифлисе в Пасхальную ночь, когда проповедовал Архангел Даниил. Он вырос, стал священником, но тот голос, та тишина, та истина остались в нём навсегда.

Воспоминание отца Гавриила.

(Записано через 42 года после Пасхальной ночи.)

Я тогда был мальчиком – лет десяти, не больше. Меня привела бабушка. Мы стояли в самом притворе, потому что в храме было тесно, пахло ладаном и горячими свечами, и я всё время норовил задремать на её плече. Но потом вышел он – тот, кого звали Архангел Даниил.

Я запомнил его не из-за имени. И не из-за голоса – он говорил тихо, почти как читают книгу себе под нос. Но тишина, которая настала, когда он заговорил, – она была громче колоколов.

Я тогда не понимал всего, что он говорил. Но я запомнил одно:

«Бог не спрашивает у нас документов. Он смотрит на раны.»

И мне стало тепло. Как будто кто-то знал, что я боюсь, что я не как все. Что я вру иногда, и думаю странное, и молюсь не по книжке.

И вдруг стало понятно: можно быть собой – и быть с Богом.

Когда я вырос, я долго искал, кто он был. Люди говорили, что его изгнали, что он странный, что он без сана. Но для меня он был – единственный по-настоящему настоящий человек в рясе.

В тот год я впервые захотел быть священником. Не потому что хотел проповедовать. А потому что хотел стоять рядом с такими людьми, как он.

Сейчас я сам служу в деревенском храме. Проповедую тихо. Не люблю говорить долго. Но всегда, каждую Пасху, я повторяю его слова – даже если люди думают, что это мои:

«Воскресение приходит туда, где не ждут славы, но ждут правды.»

Я не знаю, где его могила. Может, и нет её. Но если Бог услышал его так же, как я тогда услышал его в той тесной церквушке – значит, он воскрес уже при жизни.

Вот сцена – воспоминание женщины. Простая, как её платок, как её жест. Но в этой простоте – вечность.

Воспоминание Марии Бараташвили.

Женщина, что принесла воду после службы.

(Записано в её последний год жизни, Тифлис, 82 года)

Я тогда была молодой. Жила неподалёку от церкви Святого Давида. Пасха была поздняя, весна сухая, звёзды – как слёзы над крышами. Помню, как шла через двор, виносила свечной мусор, и заметила – в храме остался кто-то один. Все уже разошлись, кто спать, кто разговаривать во двор.

Он сидел один. У алтаря. Без свечей. Без рясы. В одной белой рубаше. Лицо – бледное, как бумага. Глаза – закрытые. Я подумала, что он умер. Подошла ближе – дышит. Просто сидит... как будто слушает то, что другие не слышат.

Я тогда не знала, кто он. Потом сказали – Архангел Даниил. Сосланный. Без сана. Одинок.

Но я этого не почувствовала.

Он был как... свет, которого касаться нельзя, но тьма от него уходит.

Я принесла ему воды. Просто воды – в баночке от варенья. Протянула, не говоря ничего. Он взял, кивнул... и вдруг посмотрел на меня, как будто я не женщина, а кто-то из древней книги, из Евангелия.

– Это не вода, – сказал он. – Это путь домой.

Я не поняла. А он улыбнулся, как будто знал, что я не пойму, и не страшно.

Он выпил – и всё. Больше я его не видела.

Но с того вечера я перестала бояться одиночества. И каждый раз, когда давала кому-то воду, я вспоминала его. Не потому что он был великий. А потому что в нём всё было настоящим.

Как свеча без света. Как слово без украшений. Как человек, который остался с Богом, даже когда остался без всего остального.

Теперь я старая. Мне трудно ходить. Но баночку ту я хранила до сих пор.

Не как реликвию. А как напоминание, что иногда вода – это не просто вода.

А жизнь. Или прощение. Или благословение, которое ты даже не заметишь – если не принесёшь вовремя.

От философа и грешника, Фейха Вангера

Я не пишу это как философ. И не как человек, переживший три брака, четыре изгнания, шесть крушений надежд и одну – пусть единственную, но настоящую – встречу с душой, свет которой не был от мира сего.

Я пишу как свидетель.

Мы живём в век, когда память стерта чернилами страха, а истина прячется под толстыми слоями догматов, как хлеб под плесенью. Но есть люди, в чьём присутствии даже сомнение начинает молиться. Один из них – Архангел Даниил.

Он был изгнан не потому, что был неправ, а потому, что не боялся быть правдивым. Он не кричал, но его молчание порой разрывалось, как труба Иерихона. Его изгнали за правду, и он принял это изгнание, как Христос крест: не с ропотом, а с молитвой.

Я видел, как он страдает. Как теряет зрение. Как молится в одиночестве, не имея права служить. Но я также видел, как он касался сердец, не говоря ни слова. Его сила была не в слове, а в присутствии. Он умел быть – в том смысле, в каком мы забыли, что значит быть: чисто, глубоко, свободно.

Когда он говорил, даже птицы за окном переставали щебетать.

В этом сборнике – не официальные хроники. Не апологетика. Это – живые свидетельства. Люди, которых он коснулся, сам не зная. Случайные прохожие, священники, отшельники, женщины, старики, дети. Некоторые его боялись. Некоторые – сомневались. Некоторые – любили, но молча. И именно в этом – его тайна. Он не стремился к последователям. Он просто жил так, что за ним шли.

«Свет среди тьмы» – не книга о нём. Это книга о нас. О том, что мы ещё умеем узнавать свет, когда он проходит мимо нас – тихо, босиком, неся воду и хлеб в чужие руки.

Если вы чувствуете, что вы – изгнанник, что вера ваша дрожит, как свеча на ветру, – откройте эту книгу.

Возможно, где-то среди этих страниц вы услышите, как кто-то говорит:

«Пей эту воду. Путь домой открыт.»

Это голос отца Николая, молодого священника, который когда-то отверг Архангела Даниила – по молодости, по гордости, по человеческой слепоте. Он его пишет не с любовью, а с болью, не с верой, а с покаянием.

Свидетельство отца Николая

(из письма, найденного в архиве Тифлисской духовной семинарии)

Я не знал, что видел святого.

Тогда мне казалось, что я всё знаю. Я был молод, рясу носил с гордостью, и нос мой тянулся к небу не от благоговения, а от самомнения. Архангела Даниила я встретил в коридоре старого храма, где мы собирались на исповедь перед Великим постом. Он был одет просто. Сидел, как странник, с книгой в руках. Не по форме. Не по уставу. И я – прошёл мимо. Не поприветствовал. Даже не благословил.

Потом слышал, как он говорил с людьми. Не проповедовал – говорил. Без нажима, без угроз. Говорил так, что у старухи дрожали пальцы на четках, а мальчик у стены замирал, забыв про озорство.

Он говорил про любовь – но не той любовью, которую удобно нести с кафедры, а той, что оставляет тебя без ответа. И я завидовал. Да, я завидовал ему. Его покою. Его свету. Его тишине, в которой, казалось, обитало нечто большее, чем он сам.

Я назвал его еретиком. В лицо не сказал, но в сердцах – осудил. А потом, когда его сослали, я молчал. Молчал, как многие. Потому что боялся потерять место. Или, быть может, и правда не верил, что Бог может говорить через человека, у которого нет сана. Нет кафедры. Нет власти. Есть только – боль и свет.

Прошло много лет. Я уже сам почти слеп. Мне часто снится храм, в котором он сидел. Снятся его руки. Снятся его слова. Они приходят ко мне, когда я читаю утреннее правило. Не его голос – нет. Я бы его не узнал. Это – голос совести. Которую он зажёл.

Если кто-то спросит, почему я оставил это письмо, отвечу просто: потому что однажды, на исповеди, один человек спросил у меня: «Отец, а вы встречали когда-нибудь святого?»

Я не ответил ему тогда. Но теперь говорю: да.

И пусть лучше вы меня забудете,
чем забудете его.

отец Николай,
бывший настоятель храма Св. Иоанна,
Тифлис, спустя двадцать лет.

Свидетельство сестры Феофании

Рассказ монахини, которая пришла в монастырь не от избытка веры, а от страха перед любовью, и однажды услышала от Архангела Даниила то, что изменило её навсегда. Из дневника, найденного в разрушенном скиту близ Кутаиси.

Я пришла в монастырь не ради Бога. Я пришла прятаться.

Моё имя Марта. Я была девчонкой с хорошим лицом и дурной судьбой. Мужчины тянули ко мне руки, как пьяные к огню – и я сгорала, снова и снова. Один обещал, второй ушёл, третий – забыл имя на следующее утро.

В какой-то момент я решила, что любовь – это ложь. Что телесное – грязь. Что Бог – единственный, кто не обманет, если не подходить к Нему слишком близко.

В монастыре я мыла полы, читала псалмы, прятала сердце под одеждой, как нищий прячет хлеб от собак. Я делала всё по уставу. Но ночью – плакала. Потому что тело помнило руки. Потому что душа хотела любви. Потому что я боялась – и Бога, и себя.

Когда он пришёл, я не поняла, кто он. Не священник. Не начальствующий. Он был похож на путника. Смотрел – не на меня, а сквозь. Но от его взгляда мне стало стыдно за то, как я жила. И за то, как не живу теперь.

Он не спросил ни имени, ни послушания. Он просто сказал:

«Ты думаешь, что спряталась от страсти. Но ты спряталась от дара. Любовь не грязь. Она – огонь. Её боятся те, кто не умеет гореть. Но тебе не суждено быть холодной.»

Я отшатнулась. Хотела уйти. А он добавил:

«Бог не запирает женщин в кельи. Женщины сами туда бегут – от того, что их тронул Свет, а они не выдержали.»

Потом он ушёл. Как будто случайно оказался. Как будто не знал, что я каждую ночь стою на коленях и прошу не чувствовать больше. А я стояла и чувствовала. Всё: боль, благодарность, жар. И впервые – не страх, а силу.

Прошло много лет. Я осталась в монастыре. Но уже не от страха. А из любви. Не прячусь. Не сгораю. Я теперь свеча – не костёр, не угли. Просто – свет.

Я не знаю, кем он был. Может, странник. Может, бездомный. Может, ангел.

Но я знаю, что Бог поговорил со мной через него. А значит – он был нужен.

И если вы когда-нибудь будете молиться о том, чтобы перестать любить, — вспомните меня.

И не просите этого больше.

сестра Феофания,
бывшая Марта,
в миру заблудшая,
в духе – свидетельница.

Свидетельство панамаря Андрея

(записано в беседе на лавке у церкви Святого Николая, Тифлис)

Я не учёный человек. Буквы знаю, но больше люблю колокола. У них, знаете, свой язык. Один гудок – покаяние. Второй – радость. А если хорошо прислушаться, можно и прощение услышать, и надежду. Батюшка Даниил это знал. Он вообще многое знал. Не как книжник – как будто откуда-то изнутри мира ему всё открывалось.

Я знал его не близко, но честно: я с ним дружил. Мы вместе служили в старой церквушке за рекой, и бывало, после службы шли по улице просто так, без надобности. Он – в потёртом подряснике, я – в рясе, что мне сшила покойная матушка.

И вот однажды идём мы, и навстречу – бабушка. Вся такая дерганая, платок сдвинут, глаза бегают. Я её раньше видел: просит то у лавочников, то у прохожих. Кто копейку даст, кто отвернётся. А тут – она к нам, с тем же, мол, «подайте, добрые люди, у меня внучка в городе учится, надо срочно послать ей деньги на учёбу, уже третий день ищу...»

Я уже рукой в карман тянусь, а Даниил вдруг останавливается и строго смотрит на неё, будто знает её давно. Потом говорит:

– Женщина, подойди.

Ты с самого утра ищешь, чтоб собрать на посылку внучке – она в Ереване, учится на фельдшера. Тебе нужно семь рублей. Но ни один человек тебе их не даст.

Потому что ты – не просить должна. А верить.

А я – с утра эти семь рублей положил себе в карман.

Ждал тебя...

И он достаёт – ровно семь. Ни больше, ни меньше. Протягивает.

А она – стоит, как остоленевшая. Губы дрожат. Ничего не говорит. Смотрит.

Я в первый раз видел, как человек не может взять милостыню – не из гордости, а потому что не понимает, как так может быть.

Потом, правда, взяла. Поклонилась. Ушла.

А через неделю – я её вижу в храме. Стоит у стены. Слушает службу. Без суеты. Со слезами.

Потом и внучка её стала приходить. Помогать, книги носить. А бабушка всем говорила: «Он – святой. Он меня из нищеты души вытащил, а ведь он меня впервые в жизни – увидел.»

Вот и всё.

А я колокола с тех пор люблю ещё сильнее.

Потому что в них – правда.

И потому что в тот день, как он дал ей эти семь рублей, я услышал в себе звон, как будто небо откликнулось.

панамарь Андрей,
из тех, кто носил светильник —

а однажды сам стал светильником.

Свидетельство Ахмеда из Баку

(записано в беседе с торговцем текстилем у синагоги в Тифлисе)

Меня зовут Ахмед, и я родом из Баку. В моей жизни было много всего, что назвать можно чудом, но есть одно событие, которое навсегда изменило мой взгляд на мир. Я до сих пор не могу понять, как это произошло, но мне кажется, что это было не случайно.

Я встречал Архангела Даниила в Тифлисе, когда я был в пути. В то время я ещё не знал, что он – святой. Я был просто торговцем шелком, проезжающим мимо. И вот, однажды, во дворе синагоги, после долгого дня торговли, я решил пройти мимо старой церкви. Не спрашивайте почему – просто почувствовал, что мне нужно было туда попасть.

Я стоял у двери, размышляя, вдруг меня окликнул старец. Он подошёл ко мне и, не обращив внимания на мои усталые глаза, сказал:

– Ахмед, ты ищешь, но не находишь. Ты пытаешься понять, но не можешь. Ты ищешь смысл в этом мире, но на самом деле ты сам себе мешаешь понять его.

Я задумался. Кто этот человек? Почему он заговорил со мной, не зная меня? Он выглядел обычным стариком, но я чувствовал, что это не просто так.

Он продолжил:

– Ты гордишься своей верой. Но есть одна истина, которую ты не видишь. Мы все – дети одного Бога. Тот, кто верит в него, независимо от того, как зовётся эта вера, не отделён от других.

В тот момент я почувствовал, как внутри меня что-то ёкнуло. Я – мусульманин. В моём сердце всегда была любовь к Аллаху, но я не мог понять, как, несмотря на все различия, можно было почувствовать эту общую связь.

Он продолжил говорить:

– Идите и будьте милосердны друг к другу. Ведь суть нашей жизни – не в том, чтобы быть правыми, а в том, чтобы быть человеческими.

Эти слова были для меня как глоток воды в пустыне. Я не мог их сразу осознать, но что-то в их глубине оставалось, как шрам на сердце.

Потом, через несколько дней, я узнал, кто он был. Этот человек, его звали Даниил. Я не мог поверить, что встретил его, святого, которого почитают не только христиане, но и те, кто понимает духовный мир.

Я стал приходить к нему, слушать его проповеди. Он никогда не говорил о религиозных различиях, никогда не пытался учить меня, как жить. Он просто показывал путь через свои поступки, свою любовь к людям, свою мудрость.

Однажды, я подошёл к нему с вопросом:

– Батюшка, как мне найти мир в душе? Как мне осознать своё место в этом мире?

Он ответил, и слова эти я ношу в своём сердце до сих пор:

– Мир в душе приходит тогда, когда ты перестаёшь бороться с тем, что даёт тебе жизнь. Когда ты принимаешь её такой, какая она есть, с её бедами и радостями. И когда ты понимаешь, что и ты, и все вокруг – часть великого творения. Не бывает чужих, Ахмед. Есть только непонятые.

С тех пор я почувствовал, что не один. Я знаю, что нам, людям, не важно, какой веры мы придерживаемся, главное – быть человеческими. И я благодарен Даниилу, что открыл мне эту истину.

С того времени я возвращаюсь в Тифлис, каждый раз, когда могу, и захожу в ту самую церковь. Я не стал христианином, и это не важно. Я стал лучше понимать людей и мир. И это, возможно, самое великое чудо, которое может случиться с каждым.

Ахмед, торговец из Баку, поклонившийся любви.

Исповедь Сергея. Или как рушится дом, построенный без веры

(Записано от бывшего строительного подрядчика, ныне садовника при монастыре Святого Пантелеймона в Греции)

Меня зовут Сергей. Раньше это имя звучало в кругах, где решались дела. В кабинетах из массива дуба и карельской берёзы, где человек судил о человеке по количеству нулей на в банковском счёте. Я был строитель. Мои руки давно не касались кирпича, но я строил дома, кварталы, целые города. Деньги, власть, связи – всё это было. Было, пока не отняли.

Я не был верующим. Я тянулся к вере, как человек, стоящий у окна в разгар грозы – не выйти, не войти, только наблюдать и думать: «А вдруг и правда есть что-то выше?»

Но сердце моё было приковано к другому. Деньги... Они были моим храмом. Я шёл к ним как к иконе, приносил жертвы, тратил время, совесть, даже предавал друзей.

Когда я взял крупный строительный подряд, все восхищались масштабом. Стоимость земли, миллионные инвестиции, сотни дольщиков... А потом пришло искушение. Мы сидели с юрисконсультom, и он сказал: «Ты же знаешь, можно обойти. Можно взять средства сейчас – всё оформим. А ты потом покроешь, да никто и не заметит».

Я не сделал этого. Не потому, что испугался. Просто дочка моя выходила замуж в Греции, и я уехал. Право подписи оставил своим – директорам и бухгалтеру. Я не думала, что задержусь надолго.

А когда вернулся – не было ничего: ни денег, ни людей, ни стройки. Только иски, протесты, митинги дольщиков, пресса, суды. Они украли всё. А на бумаге – всё моё. Я отвечал, как хозяин. Дом, строительная техника, счета – всё ушло. Остался только я. Гладко выбритый, в пустом имении.

Мне пришлось уехать к дочери. В Грецию. Старые связи отrekliсь, знакомые не хотели со мной иметь никаких дел. Я оказался никем.

И вот тогда – когда я был пуст, как незаложенный фундамент – я вспомнил Архангела Даниила. Я слышал о нём от одного старого подрядчика, бывшего понамаря. Тот когда-то помогал ему строить приют в Тифлисе. Говорил, что этот монах знал, о чём ты думаешь, и, не обвиняя, ставил тебя перед твоей совестью. И я подумал, вот бы он тогда был рядом. Может, остановил бы меня.

Я пришёл в монастырь. Не за спасением. Просто – спросить, есть ли способ вернуть то, чего не купишь. Не деньги. Душу. Себя.

И один монах сказал мне:

– Сергей, дом без основания – рухнет. Ты строил высоко, но не вниз. Без корня нет ствола. Бог разрушает башни, чтобы мы увидели землю. Ибо на ней – крест. А крест – основание настоящего дома.

С тех пор я сажаю деревья. Помогаю при монастыре. Иногда приезжают те, кто был моими заказчиками. Кто-то узнавал меня, кто-то нет. Я не скрываюсь, но и не объясняю. Пусть будет так, как есть.

Моя дочка счастлива. И я счастлив. А деньги? Я теперь знаю цену всему.

И, знаете... Если бы Архангел Даниил тогда был жив – он бы только кивнул. И сказал: «Ну вот теперь – начнём строить по-настоящему.»

Письмо Фейха Вангера монаху Архангелу Даниилу

(Из его поздней переписки, датированной осенью, незадолго до исчезновения Даниила из Тифлиса)

Дорогой Даниил,

после всей этой череды голосов, которые мы слышали – от вдовы с кувшином до застройщика с развалинами в душе – я вновь чувствую потребность говорить с тобой на языке, на котором молчали наши предки.

Я читаю Евангелие от Есеев. Ты знаешь, как оно пахнет? Пахнет травами, пещерами, молчанием пустыльников. Там не Иерусалим – там Хаос до Иерусалима. Христос у Есеев – не просто Учитель, а Лик Света, который сходит в мир, чтобы предупредить, не спасти. Он говорит о конце, не как о страхе, а как о рождении.

Почему же оно не вошло в канон? Может, потому что канон – это корабль, а Есеевский текст – это парус, который может унести не туда? Он слишком свободен, слишком... откровенен. В нём нет церковного порядка. Есть только откровение, голое, необработанное, как скала до храма.

Что думаешь ты?

Ответ монаха Архангела Даниила философу Фейху Вангеру

(Из письма, написанного на краю осени. Бумага пожелтела, как лист, оторванный ветром.)

Дорогой Фейх,

ты говоришь, что канон – это корабль, а есеевский текст – парус. Я бы добавил: канон – это ковчег, и он несёт не только живых, но и мёртвых. Там есть место для надежды, страха, утешения, даже для власти. А ессеи не строили ковчега. Они строили пещеру – укрытие от мира, но не для спасения, а для прозрения.

Евангелие от Есеев, как и прочие апокрифы, не вошло в канон, потому что Церковь выбрала безопасность. Это не упрёк, брат мой. Это – понимание. Ломкие души нуждаются в камне, на который можно опереться. А ессеи предлагают не камень, а вихрь.

Их Христос говорит: «Я – Сын Света, Я пришёл не утешать, но разжигать внутренний огонь». Это не для всякого.

Мне кажется, эти книги были оставлены вне канона не потому, что они ложны – но потому, что они слишком правдивы. Они говорят человеку: ты сам – пророк, ты сам – жертвенник. А Церковь, увы, предпочла сказать: ты – чадо, слушай и повинуйся.

Помнишь, как я говорил тебе в Тессалониках: «Бог не боится правды, но люди боятся её на каждом шагу»?

Вижу ли я конец времён? Да, вижу. Но он не страшен мне. Он – как вечер, за которым будет утро, если ты не запер глаза.

Оставайся в свете,

Архангел Даниил

Воспоминание отца Павла

(из предисловия к позднему изданию «Писем Фейха Вангера и Архангела Даниила»)

Я был молодым священником, когда впервые попал в Тифлис. Тогда всё казалось старым – камни, лица, воздух, даже свечи в церкви будто догорали не первый век. Меня назначили при храме, где когда-то служил и жил изгнанный монах, о котором мне рассказывали с почтением и страхом. Имя его – Архангел Даниил.

Под алтарной нишей, в деревянном ящике, я нашёл кожаную папку, перевязанную тонкой верёвкой. Письма. На жёлтой бумаге – твёрдый, будто резной, почерк философа и мягкий, текучий – монаха.

Я читал их, пока шло пение за стеной. И чувствовал, как будто два невидимых голоса говорят во мне: один – от ума, другой – от духа. Они не спорили, они соединялись, как реки.

После одного письма – о Евангелии от Есеев – я долго не мог уснуть. Я впервые задумался: а что ещё было сказано, но не вошло? Почему наша вера ограничена только тем, что было удобно? Не слишком ли удобно?

В одном из писем, которое особенно впечатлило меня, они обсуждали странный, почти забытый текст, который называли Откровением Древа Жизни. Я нашёл о нём упоминание лишь в старом греческом манускрипте в метеорском монастыре.

Там говорилось, что в конце времён человек не будет судим, но будет взвешен – его радость, его боль, его любовь. И дерево, посаженное им хотя бы в сердце другого, оживёт у престола.

Я почувствовал, как это противоречит привычному догмату. Но разве Истина не живёт именно в противоречиях?

Теперь, когда я служу уже третий десяток лет, я всё чаще читаю не только канон, но и эти письма. Иногда мне кажется, что именно они – моё истинное благословение.

Пусть и вы услышите эти голоса.

Письмо Фейха Вангера к Архангелу Даниилу

(из собрания «Тихие письма»)

Дорогой брат Даниил,

Ты говорил в своём последнем послании, что Господь судит нас по делам. Но, знаешь ли, я наткнулся на один текст, который меня смутил и вдохновил одновременно. Это древнее, забытое откровение, которое я нашёл в сноске к греческому комментарию IV века. Его называли Откровением Древа Жизни.

В нём не было ни суда, ни гнева, ни огня. Там говорилось, что в последнюю ночь человек не будет судим словами, как перед трибуналом, и не будет взвешен на весах с грехами.

Там сказано:

«Когда всё будет кончено, и время свернётся, как свиток, тогда у Престола восстанут деревья. Деревья, посаженные каждым человеком – словом, жестом, любовью или прощением. И только они скажут за него. А если он не посадил ни одного – его не обвинят. Просто не будет его сада.»

Как это просто, Даниил. И как это страшно.

Ведь сколько мы говорим о вере, но забываем, что она должна пускать корни в ком-то другом. Сколько раз я ощущал себя правым – а был пуст.

Мне всё больше кажется, что Истина не в том, чтобы знать, а в том, чтобы укореняться в жизни других. Слово без любви – семя без земли.

Может быть, поэтому ты так важен для меня. В тебе всегда было это – тихое, плодоносящее состояние духа.

Если у Престола восстанет хотя бы одно дерево, то я надеюсь, что оно будет из тех, что я посадил, услышав тебя.

Обнимаю тебя духом.
Твой в вере и тишине —
Фейх

Письмо Фейха Вангера к Архангелу Даниилу

(Из цикла «О вечном»)

Логин 1. из Евангелия от Фомы

«Иисус сказал: Пусть тот, кто ищет, не перестаёт искать, пока не найдёт. И когда он найдёт, он будет потрясён. И, будучи потрясённым, он будет удивлён, и он будет царствовать над всем.»

Даниил, брат мой,

Этот текст... он не даёт мне покоя. Он звучит как предупреждение и как откровение одновременно.

Что значит – будет потрясён? Что в этой встрече с Истиной настолько разрушающего, что прежде чем прийти к царствованию, человек должен быть поколеблен в основании самого себя?

Мне кажется, ищущий не просто находит ответ – он теряет старое Я. Он идёт вглубь, туда, где нет готовых схем, и вдруг обнаруживает: всё, что он знал о Боге, о себе, о любви – было только преддверием.

Истинное потрясение не в чуде, а в несовпадении между тем, как мы представляли Свет, и тем, каким он оказался.

Я вспоминаю ту ночь в Тессалониках, когда я увидел мальчика, который разговаривал сам с собой, у стены храма. Я подошёл – а он вдруг говорит: «Ты не тот, кто ты есть».

Я спросил: «А кто же я?»

Он ответил: «Ты тот, кто ещё ищет. Но скоро ты узнаешь, что ищешь не то».

И с тех пор я ищу не ответ, а – способ быть потрясённым без разрушения.

Может, царствование – это вовсе не власть, а способность принять новое без страха?

Напиши мне, Даниил. Как ты, человек Света, переносишь этот огонь, когда он входит в тебя? Не опалает ли он тебе крылья?

В тишине,
Твой – Фейх

Письмо Фейха Вангера к Архангелу Даниилу

(из цикла «О вечном»)

(Логин 2. Евангелие от Фомы)

«Если те, кто ведут вас, говорят: «Смотрите, Царствие в небе» – тогда птицы опередят вас.

Если они скажут: «Оно в море» – тогда рыбы опередят вас.

Но Царствие – внутри вас, и вне вас.»

Брат мой Даниил,

Эти слова Иисуса звучат как вызов каждому пророку, каждому вождю, каждому священнику, что указывает пальцем туда, куда сам не дошёл.

Они говорят: ищите небесное в Небе, в догмах, в обрядах, в старых книгах. Но Истина ускользает – она не вверху и не внизу, а внутри и вне.

В этом – страшная свобода.

Если Царствие внутри нас – мы больше не можем винить никого за своё безверие, кроме самих себя.

Если оно вне нас – то оно открывается в каждом поступке, взгляде, пылинке на солнце. И это не религия – это жизнь, как молитва.

Я думаю, Даниил, что Иисус смеялся, когда говорил это. Он знал, как охотно мы ищем Бога в недостижимом. И как страшно нам найти Его в себе.

В себе – с нашими страхами, похотями, злостью. В себе – несовершенном.

Но именно туда Он указывает.

Царствие не строится. Оно обнаруживается.

Ты открываешь дверь, думая, что войдёшь в храм – аходишь в себя.

Ты выходишь на улицу, думая, что просто идёшь по делам – а оказываешься в Святилище.

Вот в чём тайна.

Никакой иерархии, никаких ступеней посвящения. Только озарение – что всё уже здесь.

Молюсь о тебе, мой друг.

Вижу тебя сидящим в каменной лавке у тифлисского храма. Вижу, как ты греешь руки, и думаю: ты знаешь это. Ты жил этим раньше, чем я нашёл слова.

Пиши.

Твой Фейх

Сцена из жизни Фейха Вангера и Архангела Даниила – та самая, тихая и глубокая, когда два человека, не нуждаясь в громких словах, переживают тайну бытия.

Сцена у источника.

Тифлис. Окраина города. Ранняя весна. Ещё прохладно, но земля уже пахнет влагой, а воздух напоён ожиданием пробуждения.

Фейх Вангер и монах Архангел Даниил спускаются к старому источнику у подножия холма, где раньше крестили детей. Никого вокруг. Только шелест воды и щебет птиц.

Фейх:

– Знаешь, я всё чаще думаю, что душа – это не сосуд, который надо наполнять, а рана, которую надо беречь, чтобы не заросла равнодушием.

Даниил:

(опускает руку в воду, смотрит, как по ладони струится поток)

– Или рана, из которой должно вытечь всё ненастоящее.

Может быть, Бог берёт нас за горло не для того, чтобы душить, а чтобы мы, наконец, перестали кричать. И стали слушать.

Они сидят рядом и молчат, глядя на воду. Ветер треплет край рясы Даниила.

Фейх:

– А если всё-таки Бог молчит?

Даниил:

(тихо)

– Тогда это наша очередь говорить Ему правду.

Без гимнов. Без доктрин. Просто сказать: «Мне страшно».

Вот в этот момент Он, может быть, и начнёт слушать.

Фейх смотрит на небо. Медленно, как будто впервые за много лет, улыбается.

Фейх:

– Я, наверное, всё ещё боюсь быть ребёнком.

Даниил:

– А я давно понял, что только дети могут быть пророками.

Потому что они ещё не научились лгать самим себе.

Ветер усиливается. Над деревьями кружится сорванный лепесток миндаля. Даниил встаёт и крестит воду у источника. Потом, не оборачиваясь, говорит:

– Запомни, брат: самые чистые молитвы – это те, что сказаны шёпотом, в одиночестве, рядом с теми, кто тебя понимает.

Такая вот у нас сегодня служба.

Логин 3. из Евангелия от Фомы

«Если те, которые ведут вас, скажут вам: «Смотрите, Царствие – в небе», тогда птицы опередят вас.

Если скажут: «В море», тогда рыбы опередят вас.

Но Царствие – внутри вас и вне вас.

Когда вы познаете себя, тогда вас познают, и вы поймете, что вы – дети живого Отца.

Если же вы не познаете себя, тогда вы – в бедности, и вы – бедность».

Философское размышление Фейха Вангера.

(из письма к Архангелу Даниилу, датированного весной в Тифлисе)

Ты спрашиваешь меня, брат, где искать Царствие.

И я отвечаю тебе – в этой фразе, от которой отпадают стены всех храмов и рушатся кафедральные проповеди.

Ибо мы привыкли к тому, что святость – где-то вне нас. На высоте. В небе, в иконе, в догмате, в одобрении других.

А здесь вдруг голос Учителя, как молот, бьёт по этой иллюзии:

«Если скажут – в небе, вас опередят птицы».

Да, потому что птицы не ищут. Они просто есть.

А мы всё ищем – не понимаем, что ключ всегда был в нас.

Мне кажется, что самые несчастные – это те, кто всю жизнь верили, что святость где-то далеко. В будущем, в далёком храме, в иной стране.

И при этом проходили мимо собственного сердца, где была маленькая свеча – та самая, что Господь вложил при рождении.

Ты знаешь, я вспоминаю, как в юности думал: вот стану мудрецом – пойму.

Вот женюсь, рожу детей – пойму.

Вот умру – пойму.

Но нет.

Ничего не даётся временем. Всё – только откровением.

И оно рождается не во внешнем шуме, а во внутренней тишине.

И эта тишина, брат, и есть Царствие.

Она – внутри нас.

И если мы её найдём – мы перестанем быть бедными.

Потому что бедность – это забвение себя.»

Логин 4. из Евангелия от Фомы

Иисус сказал:

Старый человек в его дни не замедлит спросить малого ребенка семи дней месте жизни, и он будет жить. Ибо много первых будут последними, и они станут одним.

Комментарий (Фейх Вангер – в письме к Архангелу Даниилу)

«Ты писал мне, Даниил, о своём горьком унижении – как тебя, иеромонаха, старца в вере, отодвинули, обесценили, обвинили.

Я читал твоё письмо, и в груди жгло чувство – не только сострадания, но узнавания.

Потому что сам пережил нечто похожее.

Но вот что я тебе скажу:

«Смотри, как говорит Учитель:

«Многие первые станут последними, и последние – первыми.»»

Это не утешение проигравшим.

Это приговор самодовольным.

Потому что, кто вообразил себя «первым» – тот уже вне благодати.

А кто принял, что он – последний, – тот уже на пути, где все станут одним.

Ты – изгнанный, лишённый сана.

Но ты ближе к истине, чем те, кто сидят на троне и говорят о Боге, не зная Его.

Ты – младенец семи дней, в тебе ещё живо то, что убито рутиной в стариках религии.
И если бы тебе дали слово – ты оживил бы их сердца.

И ты знаешь, мне кажется, здесь Христос не просто переворачивает иерархию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.